

Раздел III
ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Part III. INVITATION TO DISCUSSION

МЕТАМОРФИЗМ НАУКИ
КАК УГРОЗА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Я. С. Турбовской (Москва)

Существующие философские истоки проблемы метаморфизма свидетельствуют о том, что в науке рефлексивная предназначенность представляет собой потенциальную возможность выявления не только допущенных ошибок, сколько тех причинно-следственных связей, от которых зависит требуемая результативность. Анализ сложившейся ситуации в исследовательской деятельности показывает значимость здесь философии: человек руководствуется мотивами, исходными мировоззренческими установками, лично актуализированной готовностью к выдвижению цели и выбору путей ее достижения и др. Философия способствует постановке и формулированию вопросов, без ответов на которые принимаемые решения не могут быть судьбоносно и исторически оправдано продуктивными. Человек отвечает на общие вопросы бытия, общественной жизни при пробуждении личного интереса к этим вопросам, без чего не возникает осознания, глубокого осмысления ее фундаментальных положений как основы личностного проникновения в суть происходящих в реальной действительности событий, жизненно необходимых для осознаваемого ответственного принятия решений. Именно философия призвана научить «читать» во всей противоречивости книгу жизни, раскрывая перед человеком окружающую действительность как совокупность реальных условий, которые являются основой для выдвижения продуктивных и достижимых целей.

Ключевые слова: метаморфизм, рефлексия, наука, мировоззренческие установки, социальная философия, мотивы, интересы, образование, причинно-следственные связи, личность.

© Турбовской Я. С., 2014

Турбовской Яков Семёнович – академик, доктор педагогических наук, профессор, заведующий лабораторией философии образования, Институт теории образования и педагогики РАО.

E-mail: turbovskey@itiprao

Turbovskoï Yakov Semenovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, the Head of the Laboratory of Philosophy of Education, Institute of Education Theory and Pedagogy of the RAO.

METAMORPHISM OF SCIENCE AS A THREAT TO THE STATE SECURITY

Ya. S. Turbovskoi (Moscow)

The existing philosophical origins of the metamorphism problem attest to the fact that in science the intention of reflection has a potential possibility to identify not just the mistakes but rather those causal relationships on which the desired results depend. The analysis of the situation in research shows the importance of philosophy there: people are guided by motives, the original world outlook orientations, personally actualized willingness to set goals and choose the ways to achieve them etc. Philosophy promotes setting and formulation of questions, without answering which the decisions cannot be productive. The person responds to the general questions of existence, social life, when the personal interest in these issues is awakened; and without this there is no awareness, no deep understanding of the fundamental statements of philosophy as the basis of personal insights into the events occurring in real life, which is vital for conscious and responsible decision-making. It is exactly philosophy that is called to teach to "read" the book of life with all its contradictions, revealing to the person the surrounding reality as a set of real-world conditions, which are the basis for setting productive and achievable goals.

Keywords: *metamorphism, reflection, science, worldview orientations, social philosophy, motives, interests, education, causal relations, personality.*

У любого социума во все времена нет ничего более важного, чем забота о своей безопасности. Но искомая безопасность безотносительно к тому или иному формулировочному определению – не вещь и не предмет, а некое *состояние*, объективно отражающее степень исторически необходимой готовности к самосохранению. Тот факт, что общественное и в особенности научное сознание все чаще обращается к этой проблеме, достаточно убедительно свидетельствует о возникшей и при этом неотложной необходимости выявления причин и поиска исторически востребованных решений, от которых искомая безопасность зависит. Естественно, что многофакторная сложность проблемы предполагает возможность выдвижения разных идей, гипотез, вариантов решений. И столь же, как представляется, естественно, что исходя из требований, предъявляемых XXI веком, одним из таких факторов, от которого непреложно и напрямую зависит безопасность, является сама наука и успешность ее поступательного развития. В этой связи и с этих позиций особенно актуальным становится исторически несмолкающий призыв: «Врачу, исцелися сам!».

Пытаясь понять, почему мы так живем и действуем, я все больше прихожу к выводу, что виной всему распространяемое и господствующее во всем (не подберу более подходящего слова) *полузнание*. Не полное отсутствие знаний, а именно незначительность степени их освоения. Но зато эта «незначительность освоения» счастливо компенсируется частотой и нескрываемой страстностью каждодневного повторения и практического следования словесным, как правило, *перекрывающим смысловую значимость фразы штампам*. И чтобы не растекалась мыслью по древу, начну с конкретных и, думаю, всем известных примеров.

Ну кто из ныне живущих не слышал бесконечно повторяемого и приписываемого В. И. Ленину призыва «Учиться, учиться, учиться!»? А между тем этой дидактической банальщины вождь мирового пролетариата не произносил. О другом он думал, и на другое был направлен его призыв, и поэтому, действительно повторив три раза слово «учиться», он четко заявил – *чему*. Получалось, что в этом обращении к обществу, учиться всем нужно было, по мнению вождя, *коммунизму*. Но если хочется повысить школьную успеваемость, то почему бы не приспособить для столь важной цели призыв столь авторитетной по тем временам личности?! И укоротили, и приспособили.

Или... Что поближе к нашим дням и, судя по положению с образованием, даже актуальнее, что, не сомневаюсь, каждый живущий неоднократно слышал. А слышал он фразу, удивительно мощно отвращающую каждого нормального и особенно молодого человека, от всего, что было связано с СССР. И звучит она категорично и непререкаемо как объективная и бесконечно трагичная истина – «В СССР секса нет!». Получается, что не было этого секса в стране, где не знали, что делать с половой распущенностью, где не переставая говорили о необходимости легализации проституции, где партбюро буквально задыхалось от количества персональных дел, связанных с изменами мужей и, как ни прискорбно, жен, где в школы, не умея и мучительно стыдясь, вводили уроки по половому воспитанию, где, наконец, создана великая художественная литература, буквально воспевающая страсть и преклоняющаяся перед ее значимостью в человеческой жизни. Но и, зная обо всем этом, начали изо дня в день повторять эту замечательную в своей примитивной лживости фразу, гарантированно вызывающую смех у подростковой аудитории. Дело-то в том, что именно эти слова были действительно в одной из телевизионных передач произнесены одной учительницей. Но... сказала-то она, что в СССР секса нет *на телевидении*. И в этой истинной и по тем временам всем известной констатации ничего удивительного и тем более задевающего кого-либо не было. Значит, от ее точного повторения никакого примитивно политического «навара» не было и быть не могло. А вот, если эту совершенно банальную в своей правдивости фразу укоротить?...

Шустрый ум природного пиарщика сотворил это безотказное безобразие, и в результате формируемый на такой информации наш нынешний юнец искренне убежден, что раньше в его стране, не то что напоенной страстью, а просто немислимой без нее, секса как такового вообще не было. И как они, его замшелые предки, тогда без того, что сегодня буквально не сходит с телеэкранов, вообще жили?..

Конечно, среди стремящихся к повторению таких фраз могут быть и те, кто искренне так думает и кто за таким «укорачиванием» известных фраз не видит ничего особенного. Ведь, казалось бы, и призыв «учиться», и очевидно смешное утверждение, что «в СССР секса нет», ничего опасного в себе не несут. Возможность лишний раз услышать доброе напутствие и просто посмеяться опасности не таит и повредить не может.

О чем спорить и с чем не соглашаться? Хотя здесь не только есть о чем спорить и с чем не соглашаться, дескать, нельзя приписывать автору того, чего он не говорил, нельзя ради зубоскальства и дешевого остроумия буквально коверкать кем-то произнесенные слова. Нельзя, конечно. Но при, несомненно,

нравственной недопустимости таких действий есть буквально неотложная необходимость подойти к проблеме «укорачивания», «смысловой подмене» с принципиально других и, как представляется, фундаментальных в своей социальной значимости позиций. И опять-таки, не вдаваясь в общетеоретические рассуждения, а исходя из совершенно конкретного, заявляющего о себе факта, буквально втягивающего все общество в конфликт, разрушительность последствий которого может стать непредсказуемой.

Здесь перед тем, как ответить на поставленный вопрос, я хотел бы обратиться еще к одному очень важному в данном контексте примеру. И связан он со сложившейся у нас общей культурой обращения к мудрым высказываниям, полезным рекомендациям и их практическому использованию. На анкетный вопрос: «Ваше представление о счастье» К. Маркс ответил: «Борьба». И так как любое высказывание создателя коммунистической идеологии изначально не только исключало возможность сомнения, но и малейшую обязательность его аналитического осмысления, то ничего другого не оставалось, как признавать за таким буквальным пониманием сути «счастья» для каждого человека. За лаконичностью фразы, призывающей видеть счастье «в борьбе», в широком общественном восприятии терялась смысловая глубина: под «борьбой» понималось то, чему человек посвящает свою жизнь, что нужно не только ему, но и людям для преодоления их бед, несчастий, испытываемой несправедливости. При этом сама борьба понималась как *дело, как конкретная работа*, способная внести в жизнь людей необходимые им изменения. Но чтобы понимать смысл фразы, надо не только и не столько ее дословно воспроизводить, сколько постараться в очень многое вникнуть: в то, кто говорит и насколько эти слова не расходятся с делом, в чем это «дело» заключается, а также зачем, для какой цели это было сказано. Это непросто, и для этого надо не только заставить себя подумать. Но и по-настоящему *понять*, о чем, собственно, речь.

Все же не только необходимость избавления от поверхностного использования тех или иных известных фраз и даже, мягко говоря, очевидная небезобидность такого бессознательного или сознательного использования, заставила взяться за перо. Поэтому, хотя это было еще в СССР, вот о чем нельзя не рассказать.

В одном очень большом и всем известном городе проводился общегородской слет старшеклассников, посвященный проблеме «Революция продолжается!». Классные руководители привели на это мероприятие своих подопечных, и они, цитируя общеизвестные фразы, выпендренно и пафосно убеждали сами себя и друг друга, что «нет у революции начала, нет у революции конца». Когда слышишь, как 18–19-летние юноши понимают суть «революции» и своей реальной причастности к ней, становится страшно за будущее страны, которое они самим фактом своего рождения как бы и составляют.

Значит, у такого социального явления, каким является распространенность игнорирования необходимости вникания в смысл происходящего, ограничиваясь его вербальной констатацией, есть еще один и при этом, может быть, самый опасный в своей социальной разрушительности аспект, который позволяет понять, как можно ответить на поставленный вопрос: *о чем спорить и с чем не соглашаться?*

Феномен снежного кома. Каждый из нас, даже если мы не альпинисты и не жители гор, знает, как опасны в горах снежные лавины, знает, к каким бедам они могут привести и приводят. Но столь разрушительное явление, каким является снежная лавина, не возникает в одночасье, а возникает она из-за определенных процессов, происходящих в толще горного снега. Причем происходящих, как утверждает гляциология, «под воздействием внешних воздействий», приводящих к *метаморфизму снега*. (Метаморфизм снега – изменение формы и размеров кристаллов снега, их взаимное смещение и внутренние деформации под воздействием внешних условий [1].) Именно из-за произошедшего структурного изменения снежного покрова небольшой снежный ком может привести к губительному движению сметающей и хоронящей все на своем пути массы.

В этом ни для кого не новом описании снежной лавины и природы ее возникновения, есть один принципиально значимый момент. Суть его в том, что мы по сей день – однозначно и твердо – не уяснили для себя, *что* является действительной причиной губительного движения такой лавины. Снежный ком или произошедший под влиянием внешних условий метаморфизм? Причем не уяснили настолько, что неосторожное поведение человека в горах и считаем возможной причиной схода снежной лавины.

Это веками происходящее смешение *«вины»* и *«причины»* не только логически несостоятельно, но и для нашего исторически поступательного развития просто губительно. Ведь привычное и для кого-то очень удобное нахождение «крайнего», в простонародье называемого «стрелочником», социально разрушительно не только и не столько из-за своей для всех очевидной несправедливости, сколько из-за того, что, не устранив причину, мы вынуждены будем, грубо говоря, отыгрываться на конкретных людях. Рано или поздно, кто-нибудь оступится, не так поставит ногу, и уже тогда, *до этого* образованный внешними воздействиями снежный метаморфизм заявит о себе. Но ведь не снежный ком преобразовал структуру снежного покрова, и не он превратил его в лавину, готовую от малейшего толчка начать свое губительное движение?! Не так ли?

Используя термин «метаморфизм», можно утверждать, что в смысловом контексте обсуждаемой проблемы существует не только «снежный», но и негативный в своей социальной разрушительности *метаморфизм науки*, из-за которого в государстве и обществе происходят такие глубинные изменения, что достаточно даже незначительного толчка, чтобы начались социально-разрушительные процессы. Тогда начинает о себе заявлять традиционно-привычное *смещение понятий* человеческого проступка, чьей-то личностной вины и действительных причин, неодолимо приводящих к столь разрушительным процессам.

Общественное сознание, государственные органы, не отличая одно от другого, начинают вести активную борьбу с такого рода проступками, видя свою цель только в определении вины конкретного человека и в доказательстве всем и каждому «неотвратимости наказания». Но наказание – *что «отвратимое», что «неотвратимое»* – может в лучшем случае повлиять на поведение человека, но не может устранить причин, неодолимо приводящих к таким социальным отклонениям. Таким образом, получается, что уходя от осознаваемой необхо-

димости выявления причин, порождающих то или иное явление, подменяя эту жизненно важную необходимость наказанием и усилением контроля, мы, по сути, ведем борьбу *со следствиями*, и тем самым не только не добиваемся нужного обществу результата, но и усиливаем разрушительную негативность никуда не девающегося «научного метаморфизма».

В результате сколько-нибудь продуктивно ситуация не изменяется, а очередного проступка долго ждать не придется. Эта вечно продолжающаяся и никуда не ведущая «борьба» захватывает все новые социальные пространства, порождая конфликты, социальные последствия которых – без какого-либо преувеличения – непредсказуемы. Именно это в очередной раз проявилось в начавшейся кампании по борьбе с диссертационным плагиатом. И телеэкран, и радио, и СМИ, и все управленческие государственные структуры, естественно, включая ВАК, только и делают, что возмущаются бесчисленными фактами плагиата, выявляемого в диссертационных работах, и призывами к неустанной и бескомпромиссной борьбе с этим разрушительным явлением. В результате возникает ощущение, что и государственные органы, и общественные организации не только в этом видят средство борьбы с «диссертационной язвой», но и в самом плагиате – основную для развития страны опасность. Чего только не придумывается для того, чтобы искоренить эту губительную напасть, и с какой всем понятной страстностью буквально все общество включилось в это захватывающее действие! Всем нашлось, и еще долго будет находиться столь азартное дело. А как же?! Не мириться же с таким позорным явлением?!

Бороться! Но с чем?! Смешно и недопустимо даже предположить, что с плагиатом не надо бороться. Надо. Но бороться – не значит только громко кричать и призывать всех к уничтожению этой напасти. Ведь пожар не словами тушат, и не только тушат, но и – что самое главное – *предотвращают!* А если признать, что любая борьба, изначально *не являющаяся самоцелью*, должна приводить *не к каким-то*, а совершенно *определенным* результатам, то без сколько-нибудь четкого представления, как их достигнуть, ни на что положительное рассчитывать не приходится. А те меры, которые в гневном возмущении предлагаются: «закрыть», «повысить контроль», «с пристрастием изучить тексты», «повысить ответственность», «прикрыть плохие и оставить хорошие диссертационные советы» и т.д., носят скорее привычно-пожарный и, по сути своей, откровенно дежурно-эмоциональный характер, нежели действительно системно продуманную программу борьбы с этим разрушительным в своей социальной негативности явлением.

Ведь, кроме очевидной выгоды и личностной несомненной заинтересованности, являющихся побудительным источником нескрываемого стремления ко всякого рода социально-статусным документам, какими являются официальные дипломы, есть, наверное, и другие факторы и мотивы, на которых «зиждется плагиат» и которые, раньше или позже, в той или иной форме приведут к его проявлению.

Обратите внимание, исходя из всеми и давно разделяемого определения, *плагиат* – это «умышленное присвоение авторства на чужое произведение литературы, науки, искусства, изобретение или рационализаторское предложение. В СССР предусмотрена уголовная и гражданская ответственность

за такое нарушение авторских и изобретательных прав» [2, с. 1020]. Привожу я именно это определение плагиата не только для того, чтобы подчеркнуть тщетность предлагаемых в современных условиях мер, преимущественно сводящихся ко всякого рода контрольным мероприятиям и гневно-нравственным упрекам.

Давняя история у проблемы плагиата, рассматриваемого не только как подлежащее моральному осуждению, но и являющееся *уголовным преступлением действием*, не может не убеждать в тщетности таких усилий. Ведь, несмотря на все принимаемые меры и прилагаемые усилия, эта опухоль настолько разрослась, что понадобилось публичное вскрытие *только одного факта*, проявившегося в МГУ, чтобы эта социально беспрецедентная в своей разрушительности лавина с невиданной силой обрушилась на возглавляемому в течение десятилетий ВАК систему.

Значит, нас не может не волновать вот какой вопрос. Если плагиат – и это ни для кого не тайна – не только нравственно осуждаемый в научной среде проступок, но и уголовное, неустранимое в течение многих лет из нашей жизни *преступление*, то, может быть, попытаться подойти к решению этих проявлений *социально-значимого метаморфизма как к научной проблеме*, решение которой находится в зависимости от каких-то *объективных* факторов, не являющихся объектом сугубо морального и юридического рассмотрения?

Термометр не виноват. Не знаю, удалось ли наряду с откровенным признанием необходимости продолжения борьбы собственно с плагиатом, столь же откровенно посеять сомнение в не столь очевидной эффективности этого многолетнего занятия и признания необходимости принципиально другого подхода к этому вопросу как к научной проблеме? Но если не получилось, то со всей допустимой определенностью скажу: именно это нужно стремиться осуществить. Если, конечно, за термином «научная проблема» видеть необходимость выявления *причинно-следственных зависимостей и связей*, которые объективно определяют суть явления, называемого «плагиат». Но в пылу всеми оправдываемой борьбы именно этого мы и не делаем, рассматривая плагиат как самостоятельное, возникшее в силу *недостатка или слабого контроля явление*.

При сколь угодно разных определениях сущности плагиата неперенным и неотрицаемым условием является признание, что он является следствием каких-то других факторов, мотивов, причин. Как любой другой вид уголовно наказуемого действия, он, несомненно, с одной стороны, должен подвергаться всем допустимым формам осуждения, вплоть до самых крайних форм социального ostracism, с другой – требует от социума и, в первую очередь, от самой науки, выявления тех причин, условий и факторов, которые обуславливают возникновение столь негативного явления. И значит, сколь угодно жесткая борьба, не исходящая из жизненной необходимости устранения этих причин, условий и факторов, не приведет к положительным результатам. В лучшем случае мы сможем добиться определенного снижения количественных «показателей», но не ликвидации такого позорного явления, каким является плагиат.

С этих позиций приходится признать, что в нашей действительности есть много такого, с чем мы как бы даже смирились и что *порождает и не может не породить* плагиат. Нам не избавиться от этой напасти до тех пор, пока мы не осознаем – не постараемся осознать – что ее порождает. А осознавать здесь придется многое. Очень-очень многое. Ибо ниточка эта тянется издалека, Причем настолько, что, по сути, имеет под собой почти менталитетную основу, неодолимо приводящую к возникновению социально разрушительного метаморфизма. Разве это не отражено во всем известных поговорках: «жить у воды – и не напиться» или «не пойман – не вор». Разве повсеместно распространенное и всерьез не осуждаемое школьное списывание не из того же корня? У нас ведь даже шпаргалки стали рассматриваться как средство усвоения программного материала и в открытую! продаваться в магазинах? А вся эта игра в штамповочное написание дипломных работ и всякого рода рефератов, ничего общего не имеющих с творчеством и призванных пересказать учебный материал, разве не чрезвычайно эффективный метод использования чужих текстов?

Если действительно хотеть, чтобы подобного рода вузовская работа имела хоть какое-то отношение к творчеству, проявлению исследовательской мысли, то, как минимум, нужно выслушать студента, понять, что ему лично удалось сделать, и только после этого предоставить ему возможность отразить это в письменном виде. Иначе мы получим пересказ общеизвестного и в лучшем случае не дословно списанного.

Как это ни странно, но и в диссертациях, столь явно сведенных к плохому камуфлированному плагиату, не только проявляется то же самое, но и многократно усиливается из-за официально признанного прокрустово ложа в виде методологической схемы, которая в обязательном порядке должна быть соблюдена. Дело дошло даже до того, что эта формалистическая удавка затянулась уже не только на студентах, но и на школьниках, которых обязывают определять «объект», «предмет» своей творческой работы, даже если ни они, ни их учителя по-настоящему не понимают смысла этих терминов.

А чего стоит эта созданная ленивым методологическим умом обязательность привязки актуальности исследования к притягиваемым буквально «за уши» реальным или даже выдумываемым «противоречиям»?! Вынужденно заглядывая в уже написанные кем-то авторефераты, новые соискатели также вынужденно приучаются заниматься плагиатом, списывая, даже если «своими словами», эту формализованную жвачку. А на защиту, как правило, выносятся положения, по сути, не требующие из-за своей банальной общеизвестности никакой «защиты».

Получается, что под плагиатом понимается прямое текстовое совпадение, в то время как губительность плагиата не столько в текстовой тождественности, сколько в отсутствии идей и действительно оригинальных самостоятельных решений. Поэтому, если ВАК действительно хочет бороться с плагиатом, необходимо профессионально, компетентно определять, обогащает ли данная работа наши уже наличествующие знания? Обогащает – одна оценка, не обогащает – и оценки не надо.

Вся эта бесконечная череда сознательных или бессознательных ошибок и упущений – только небольшая часть того, что способствует проявлению

разных форм плагиата. Получается, что сам плагиат как следствие, порожаемое объективно существующими и неустранимыми условиями, в определенном смысле играет роль *индикатора*, объективно свидетельствующего о серьезной и социально разрушительной для развития науки болезни. А ведь даже такой индикатор, как плагиат, как термометр, за наличие у больного высокой температуры ответственности не несет.

Намеченные и даже принимаемые меры достаточно убедительно свидетельствуют о следующем: против этого «термометра» и ведется борьба. Минобрнауки, Минкомсвязи, Минкультуры поручено представить согласованные предложения по разработке и внедрению информационной системы, обеспечивающей проверку на плагиат дипломных работ выпускников вузов и диссертаций, представляемых на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, а также о порядке опубликования этих работ в Интернете. Предлагается упразднить диссертационные советы, в которых защищается слишком мало работ, закрыть организации, где раздают подозрительно много научных степеней. И, наконец, жестко оценить качество диссертационных работ, невзирая на лица и занимаемые ими посты.

Однако если действительно бороться с плагиатом как проявлением социально значимого метаморфизма, такими угрозами и средствами, хотя они тоже нужны, не обойтись. Ведь они носят, как отмечалось, контрольный и запретительный характер, не затрагивая причин, которые порождают плагиат. Возможно, первым шагом в нужном обществе направлении, было бы возвращение к старой и имевшей место традиции, определявшей нравственную атмосферу в научной среде и общественном сознании: сначала *имя*, известное и заслуженное исследовательской деятельностью и несводимое к формальным требованиям, а затем научное звание как адекватное проявление официальной признанности. Без коренного изменения существующих требований к подготовке и защите творческих работ нам не удастся серьезно изменить положение с таким негативно разрушительным явлением, как плагиат. А это значит, что ВАК, диссертационным советам, всякого рода НИИ необходимо, борясь с плагиатом, не только вылавливать текстовые совпадения, а руководствоваться одним единственным критерием – исследовательской новизной идей и авторских решений, единственно ведущих к реальному обогащению научного знания.

Осознаваемая историческая потребность обеспечения безопасности, основанной на кардинальном повышении эффективности исследовательской деятельности, заставляет обратиться к системной совокупности вопросов, от которых реально зависит искомая эффективность.

Ведь признавая за плагиатом роль индикатора, неопровержимо фиксирующего серьезное неблагополучие в отечественной науке, мы оказываемся перед необходимостью прийти к выводу, превращающему борьбу с плагиатом в хорошо всем известное сражение с ветряными мельницами, причем усугубляемое тем, что вся эта «диссертационная активность» буквально поставлена на плохо действующий государственный конвейер, разрушительно сказывающийся на действительно продуктивном развитии науки.

Вот эта генетическая двойственность плагиата как объективной данности, к которой необходимо социально эффективно отнестись, найти пути

устранения, и столь же убедительно заявляющего о себе индикатора, свидетельствующего о существовании каких-то других явлений, порождающих столь социально уродливое явление, требует системного осмысления.

Ведь не бывает беспричинных явлений, и ничто само по себе не возникает. Нам не добиться нужного понимания, не пробившись сквозь толщу бесчисленных и *никому не нужных*, просто списанных страниц. Но такое, казалось бы, неопровержимое утверждение в действительности глубоко ошибочно. Ведь в нашей жизни даже то, что по-настоящему нужно и даже жизненно необходимо, не всегда делается. А тут – тысячи тысяч исписанных страниц! Значит, это все-таки кому-то нужно. И мы все очень хорошо понимаем и знаем, зачем и кому. За эти сотни списанных страниц присваиваются очень значимые и даже оплачиваемые научные звания, повышается социальная статусность и карьерный рост, и, конечно, обеспечивается непрерывное существование деятельности по присуждению всех этих званий и степеней, в которой участвует неисчислимое количество людей. Получается, что наши диссертационные советы и соответствующие службы за эту никому не нужную и бессмысленную работу присваивают в силу разных причин и мотивов эти самые авторитетные в научном мире звания. Но ведь не для таких целей создана эта возглавляемая ВАК система, и не безнравственная людская изворотливость определяет целиком и полностью ее познавательную предназначенность?! И то, что случаи такой изворотливости, воплощаемые в плагиате, приобрели массовый характер, к целевой предназначенности отношения не имеет. Ведь выявление плагиата или создание каких-либо фильтровых преград ничем другим, кроме установления столь негативного факта или его недопущения, ни в какой степени не служит тем целям, ради которых создана эта государственная диссертационная структура. Пропустим мы работу или нет, не обогащающую арсенал научного знания, в данном контексте никакого принципиального значения не имеет. Если не лукавить, а действительно стремиться разобраться с проблемой, то борьба, которую мы ведем и собираемся в дальнейшем вести с плагиатом, не только изначально неэффективна, но и, в определенной степени, вредна, особенно в контексте социальной обеспокоенности о безопасности.

Если плагиат определяется как текстовое совпадение, и задача принимаемых нами мер сводится именно к его установлению, то мы рассуждаем и ведем себя, как люди, не только не знающие, но и откровенно игнорирующие элементарные требования формальной логики. Ибо диссертационная работа, не несущая в себе текстовых совпадений, а, наоборот, изложенная, как говорится, своим языком, то есть языком автора, но являющаяся пересказом общеизвестных положений, может в такой же степени не иметь с позиции этих требований *никакого отношения к научному исследованию*, и, значит, *не является диссертационным исследованием*. Поэтому тот откровенно дырявый забор ограничений и запретов, который мы создаем, является не только проявлением иллюзорной, сугубо формальной борьбы с плагиатом, но и весьма эффективным провоцированием стремления воспользоваться этими очевидно соблазнительными лазейками.

Значит, исходную совокупность причин, порождающих неодолимость возникновения плагиата, составляют, с одной стороны, социальные мотивы

и формальные критерии, обеспечивающие в неразрывном единстве не только личностную заинтересованность и активность, но и заинтересованность специально созданных государственных структур, с другой – наличествующие и действующие требования, изначально лишённые необходимой методологической проработанности и тем самым не только во многом способствующие возникновению плагиата, но и, по сути, перечеркивающие те цели, ради которых, казалось бы, и создана возглавляемая ВАК система.

В правомерности именно такого утверждения можно убедиться, обратившись к официальному определению исходного в своей фундаментальной сути понятия «диссертация». При всех наличествующих различиях формулировок диссертация определяется как «научно-исследовательская работа, подготовленная для публичной защиты и получения ученой степени (в СССР кандидата или доктора наук) [2, с. 339], «научная работа, публично защищаемая автором для получения ученой степени» [3, с. 153], «научная работа, исследование, представляемое на соискание ученой степени и публично защищаемой соискателем» [4, с. 229].

Нетрудно убедиться не только в том, что эти определения тождественны, но и в том, что, несмотря на произошедшие коренные социальные изменения, в определении понятия «диссертация» за многие десятилетия ничего не изменилось. Причем изначально не только формальным, но и содержательно сведенным только и единственно к «публичности защиты». Если введенное в 1932 г. в СССР понятие «диссертация», в таком виде еще не связываемое с такими отрицательными процессами, как «плагиат», «коррупция», при всей своей очевидной поверхностности было достаточно продуктивно и приемлемо, то в современных условиях оно играет другую роль, и не может закономерно негативно не сказаться. Значит, сложившаяся в реальной действительности ситуация не может быть существенно изменена без того, чтобы методологически системно разобраться в том, что такое «диссертация», что она собой представляет и для каких целей создается. Не для получения же – как основной цели – «ученой степени»?! А без соблюдения именно этого требования из замкнутого нами же созданного порочного круга не вырваться.

Если диссертация – дословный или даже авторски-текстовый пересказ общеизвестного в науке, то о ней и речи как научной работе быть не должно. Но если диссертация действительно имеет научную значимость и воплощает собой проведенное исследование, то и в этом случае не все так просто, ибо на передний план должна быть выдвинута проблема методологического учета и соблюдения требований *принципа вариативности*. Если диссертация – обобщенное, доказательное исследовательское выявление и приобретение нового знания, к тому же требующее экспериментальной проверки, то к ней – *одни исходные критериальные требования*, если же аналитическое обзорное отражение современного состояния исследуемой проблемы, выявление основных тенденций, определяющих развитие образования, научной мысли или обобщение творчески созданного опыта – *принципиально другие*. Оба эти подхода правомерны, но при одном условии, суть которого в официальном признании возможности существования *разных диссертаций*, причем критериально по-разному оцениваемых.

В первом случае основными критериально исходными требованиями являются *новизна, валидность, репрезентативность и достоверность*, во втором – *аналитическая глубина, авторская позиция, продуктивность выдвигаемых идей, концептуальная обоснованность, контекстная эрудированность, логичность и исследовательская адресность*. И, повторяю, если мы действительно посчитаем необходимым исследователски достигать и те, и другие цели, то тем самым мы признаем обоснованность права на существование *разных и по-разному оцениваемых! диссертаций*. За доказательствами объективной обязательности такого права, образно говоря, далеко ходить не надо: они в своей неопровержимой убедительности заявляют о себе.

Хорошо известно, что работники НИИ и вузов, исходя из своих профессиональных потребностей и функциональной предназначенности, не только призваны по-разному относиться к научно-исследовательской деятельности, но и буквально нуждаются в праве на официальное признание этих различий. Тот факт, что в НИИ приоритет отдается званию «доктора наук», а в вузе – «профессора» – не простая формальность, а сущностная констатация принципиальных различий между *профессионально исследовательской и преподавательски-формирующей* деятельностью. Можно утверждать, что именно непризнание этих функционально-сущностных различий является одной из основных причин, негативно сказывающейся и на качестве диссертационных исследований и на качестве собственно преподавательской деятельности, ибо одни изначально должны быть направлены на решение собственно фундаментально-познавательных задач, другие – преимущественно на выявление и раскрытие путей повышения эффективности преподавательской деятельности и вузовского образования. Именно это необходимое осознание фундаментальной значимости качества и эффективности преподавательской деятельности требует придания ей государственно признаваемой научной статусности. Или, что не менее важно, полное отсутствие различий между предъявляемыми требованиями к диссертационной работе, созданной молодым аспирантом-очником, призванным за три года войти в тему и уложиться в отведенные сроки учебы, и директором учебного учреждения или учителем, обобщающим свой многолетний опыт. А ведь это *принципиально разные диссертации*, но почему-то защищающиеся по одним и тем же официально утвержденным «методологическим лекалам», *официально одинаково* используемым и в кандидатских, и в докторских работах

Однако эти лежащие на поверхности и требующие официального признания примеры объективно сущностного различия видов профессиональной деятельности, а значит, и диссертационных работ, – только небольшая часть создавшегося айсберга проблем, без решения которых не изменить сложившейся ситуации. Тем более что вместо этого общественные усилия сосредоточились только на плагиате. Получается, что именно плагиат, выступая в роли зверя, страшнее которого нет, не позволяет даже пробиться к фундаментальной актуальности проблем и объективно существующих причин, от которых в действительности зависит эффективность исследовательской деятельности.

В этой связи возникает необходимость задаться вопросом: «Что же это за причины и мотивы, порождающие не только столь негативное явление, ка-

ким является плагиат, но и недопустимо низкий уровень диссертационных работ?». Несмотря на то, что в этом вопросе как бы объединены две проблемы, разрывать их сущностное единство нельзя. Если судить только по намечаемым мерам борьбы с плагиатом, то это в основном злоупотребление служебным положением, сложившиеся коррупционные связи и отсутствие надлежащей строгости контроля. И все. При этом основным средством доказательства выявленного плагиата является установление текстового – полного или значительного – совпадения. И, как уже отмечалось, такую борьбу можно и нужно вести.

Плагиат как текстовая тождественность социально разрушителен не только из-за своей очевидной безнравственности, но и из-за того, что просто повторяется уже науке известное. Не так ли?! Но, установив сам факт текстового совпадения и ограничившись этим, мы, с одной стороны, неопровержимо доказываем факт плагиата, а с другой – оставляем без внимания несравнимо более разрушительную проблему, суть которой в вопросе: «*Является ли плагиатом только совпадающий текст, а пересказанный «своими словами» нет?*»?

Очевидно, что попытка ответить на этот вопрос изначально выводит *за пределы* традиционно волнующей нас совокупности вопросов, связанных с коррупцией, ловкачеством, бессовестностью и любыми сколь угодно изощренными способами списывания, и, значит, радикально обнажает полную беспомощность логики, основанной на непреодолеваемой вере во всевозможные формы контроля и наказания. Признав, что не только и не столько плагиат является основной опасностью для настоящего и будущего отечественной науки, что истинной опасностью и настоящей бедой является элементарное, хоть и выраженное «своими словами» повторение общеизвестного, обрекающее отечественную науку на топтание на месте, мы не можем больше и не должны сводить все к борьбе с плагиатом.

Нельзя не видеть, что истинный виновник наших бед не в бесстыдстве и социальной разрушительности списывания, а, мягко говоря, в разрушительном несовершенстве правил и требований, тотально методологически определяющих весь процесс диссертационного исследования, начиная с выбора темы и завершая критериями ее защиты и официального признания. Поэтому, несмотря на возможные трудности, с которыми придется столкнуться, самым главным является осознание научным сообществом неотложной необходимости кардинального изменения методологических требований и правил, предъявляемых каждому входящему в мир познания, в котором и для которого банальность и повторение, выдаваемые и признаваемые за результаты «научного исследования», страшнее в своей социальной разрушительности любого текстового плагиата. Ибо вместо действительной обеспокоенности о развитии науки как фундаментальной основы исторически востребованного уровня конкурентоспособности социума возникает некая квазинаучная имитация, изначально неспособная обеспечить решение столь жизненно необходимой проблемы.

Как корабль назовешь... Нет, наверное, другого понятия, смысл которого бы столь явно профанировался и даже опровергался, как понятие «цель» (Цель – идеальное, мысленное предвосхищение результата деятельности.

В качестве непосредственного мотива Цель направляет и регулирует человеческую деятельность [2, с. 1486]. Цель – то, к чему стремятся, что надо осуществить [3, с. 862]. Цель – конечный, ожидаемый результат какого-либо процесса, движения, действия, деятельности [5, с. 472]). Здесь в скобках приведены только три из бесконечного множества определений понятия «цель», но при всех их очевидных формулировочных отличиях они означают одно и то же: цель – это предполагаемый результат, к которому надо стремиться. Это всеми одинаково понимается и признается. Но парадоксальная трагичность ситуации в том, что выдвинутая цель и получаемый в действительности результат не только в большинстве своем различаются, но и бывают диаметрально противоположными, что превращает цель скорее в несбыточную мечту, нежели в реально достигаемый результат. И так, если судить по ситуации, сложившейся в отечественном образовании, дело обстоит на всех уровнях, начиная с практической деятельности учителя и завершая самым высоким по организационно структурной иерархии – федеральным. Так обстоят дела во всем, что в реальной действительности касается целеполагания. При этом диссертационная исследовательская деятельность, к сожалению, не составляет счастливого исключения.

Одной из основных причин, изначально обрекающей этот вид научной деятельности, мягко говоря, на недопустимо низкий уровень эффективности, является, как отмечалось выше, отсутствие системной проработанности понятия «диссертационное исследование», по крайней мере, когда речь об образовании. Ибо реальная ситуация неопровержимо убеждает в полной методологической несостоятельности требований и правил, являющихся не только критериальной основой оценки защищаемой работы, но и изначально определяющих сущность и стилевые особенности диссертационного текста. Потому что от соискателя в действительности требуются *другие* ответы, не вытекающие из существующих (выше приведенных) определений понятия «диссертация». Ибо именно из него как исходной *цели* призвана проистекать не только содержательная сущность работы, но и ее видовые и жанровые особенности, определяемые той или иной образовательной деятельностью, ее вариативными отличиями. Для преодоления этого исходно фундаментального недостатка требуется признание необходимости принципиально иного определения сущности понятия «диссертационное исследование» (диссертация). Потому что при существующем определении можно признать (и реально признаются) удовлетворительными получаемые результаты.

Однако для выработки принципиально другого определения необходимы другие критериальные требования. Для этого необходимо признание существования таких исходных оснований, как *различие целей, вариативность видов диссертационных исследований, различие критериальных оценок их качества*. Основу такого методологически востребованного признания составляет объективно наличествующее сущностно-смысловое различие диссертационных работ, которое изначально и должно быть отражено в определении понятия «диссертация».

В результате системно обоснованное раскрытие данного понятия, определяющего его целевую предназначенность в прямом соответствии с жанровыми вариативными особенностями, может и призвано стать исходной ме-

тодологической основой, с позиций которой призвана выстраиваться системная совокупность официальных требований к диссертации. И, в первую очередь, это относимо к принципиально иному обоснованию *актуальности исследования, выдвигаемой цели и подлежащих исследовательскому решению задач*. Ибо ни одно из этих исходно-необходимых в современных условиях установочных требований не выдерживает, мягко говоря, критики в первую очередь потому, что они обуславливают возможность шаблонизировано-формального подхода к выполнению этих требований, изначально не исходящих и не учитывающих особенностей *конкретно данной работы* и ее исследовательски-познавательной предназначенности.

В результате каждое из предъявляемых методологических требований изначально не носит по-настоящему исследовательского характера, единственно превращающего диссертацию в научную работу. Основным недостатком при их обосновании и раскрытии является содержательная расплывчатость и неопределенность, порождаемая недопустимым отсутствием связи между избыточно абстрактно доказываемой актуальностью какой-либо проблемы и *конкретной* работой. Как бы по умолчанию принято считать, что официально признаваемая актуальность какой-либо проблемы является обоснованным доказательством актуальности *предпринимаемого исследования*. В результате только формально пополняется список работ, и проблема как бы приобретает характер непреходящей актуальности. Содержательно-размытое, внеконтекстное обоснование актуальности, выполняющее свою не исследовательскую, а ритуальную функцию, не только не способствует поискам решения определенной проблемы, но и позволяет исследователю оставаться в этом создаваемом пространстве смысловой размытости, имитируя тем самым свою причастность к исследовательской деятельности.

К тому же неопровержимым в своей доказательности индикатором несостоятельности обоснования актуальности проблемы является анализ и список изученной литературы, в котором в одном ряду – «через запятую» – приводятся фамилии авторов, занимающих порой не только разные, но и взаимоисключающие в силу своей противоречивости позиции. А ведь это системное в своей разрушительности объединение, по сути, исключает возможность признания научной состоятельности данной работы. К сожалению, создание такого лишнего необходимого уровня исследовательской аналитичности списка не только нашло повсеместное распространение, но и утвердилось в научном сознании как действительное проявление требуемой от исследователя эрудиции. При этом ситуация резко усугубляется тем, что в ряде случаев, исходя из чисто конъюнктурных соображений, диссертантом приводятся фамилии членов данного ученого совета, вообще не занимавшихся исследованием представленной к защите проблемы или не внесших в нее сколько-нибудь существенного вклада.

В результате уже с первого шага исследователь не только не стремится проникнуть в суть исследуемой проблемы, но и методологически изначально лишает себя такой возможности. Это негативно сказывается на каждом из формально предъявляемых к диссертационному исследованию требований, начиная, к примеру, с выдвигаемой совокупности задач. Основной причиной их научной несостоятельности является методологическая непрора-

ботанность утвердившегося и используемого тезауруса, изначально неспособного с необходимой содержательностью отразить собственно исследовательскую сущность требуемых решений. Весь набор употребляемых терминов типа «выявить», «определить», «раскрыть», «конкретизировать», «обосновать» и т. д. в лучшем случае отражает исследовательское намерение, а не содержательные и при этом сущностные особенности программно необходимых поисковых решений.

Избыточная неопределенность и содержательная необязательность исходных посылок неодолимо приводят к парадоксальной ситуации, когда на защиту, как правило, выносятся положения, в своей откровенно банальной сути не вызывающие никаких возражений и, значит, *не нуждающиеся* ни в какой защите. Их защищает общеизвестность и повсеместное признание. Никто не спорит, и никогда не будет спорить с тем, с чем согласен. А это неопровержимо должно приводить к выводу: диссертационное исследование, в котором на защиту выносятся общеизвестные и никем не оспариваемые положения, нисколько не обогащающие и не способствующие приросту научного знания, является более страшной для науки опасностью, чем примитивный текстовой плагиат.

Если мы действительно обеспокоены развитием отечественной науки, если признаем, что от нее зависит исторически востребованный глобализацией уровень безопасности, то без кардинально-системного изменения отношений и требований к диссертационному исследованию не обойтись, ибо только при выполнении этого условия эффективность диссертационных исследований будет опираться на твердый фундамент раскрытых и объективно существующих причинно-следственных связей, подменяемых ныне действующими формальными требованиями, неодолимо приводящими, как и всякое полужнание, к возникновению социально разрушительного метаморфизма.

Концентрация же наших усилий только на борьбе с плагиатом этой жизненно-неотложной проблемы не решает и, по определению, решать не может.

Философские истоки проблемы метаморфизма. В науке утверждается, что не только положительный, но и отрицательный результат обладает фундаментальной значимостью, и в этом утверждении заложен жизненно важный смысл, он не сводится только к тому, чтобы другие исследователи не становились на этот тупиковый путь. Более важна его сущностно другая, рефлексивная предназначенность как потенциальная возможность выявления не только и не столько допущенных ошибок, сколько тех причинно-следственных связей, от которых требуемая результативность зависит.

С этих позиций анализ сложившейся ситуации в организации и оценке результатов исследовательской деятельности и может приблизить нас к выявлению такого рода причин. И если рассматривать сложившуюся ситуацию как *спонтанно* развивавшийся и продолжающий развиваться процесс, то нельзя не признать, что искомая «спонтанность» в действительности – во многом результат действий самого человека. При этом «спонтанность» любого социального процесса, его реальное протекание обуславливалось определенными и, как правило, *не бессознательными, а целенаправленными действиями людей и принимаемыми ими решениями*. В каждом конкретном случае человек руководствуется – не может не руководствоваться – опреде-

ленными потребностями, мотивами, исходными мировоззренческими установками и, что особенно принципиально, лично актуализированной готовностью к выдвижению цели и выбору путей ее достижения, которая, что неопровержимо неопровержимо, образно говоря, с неба не падает. Она – результат комплексного влияния множества факторов, в числе которых изначально особую роль играют те, благодаря которым и на основе которых в действительности формируется искомая готовность. И одним, может быть, самым основным фактором призвана быть, исходя из своей сущностной предназначенности, философия. Ничто, кроме нее, не может с такой всеохватывающей убедительностью способствовать формированию готовности отдельной личности и социума в целом к формулированию вопросов, без ответов на которые любые принимаемые решения и выдвигаемые цели изначально, по определению, *не могут быть* – и это самое главное – *судьбоносно и исторически оправдано продуктивны*. И не в логике временщика, типа «после нас хоть потоп», и не с позиции откровенно функциональной выгоды, и даже не с позиций принципа «здесь и сейчас», а именно *исторически* судьбоносно и продуктивно.

Однако самой философии тоже нельзя игнорировать законы, необходимость следования которым она же и отстаивает. Ибо дело не столько в том, чтобы благодаря процессу преподавания философии как учебного предмета, человек мог ответить на самые общие вопросы бытия, общественной жизни и своей роли в ней, сколько в пробуждении *личного интереса* к этим вопросам, без которого все написанные книги и прочитанные лекции в лучшем случае пригодятся для сдачи какого-либо экзамена, без которого не возникает осознание необходимости глубокого осмысления ее фундаментальных положений как основы личностного проникновения в суть происходящих в реальной действительности событий, жизненно необходимых для осознано ответственного принятия решений.

Именно философия в силу своей фундаментальной предназначенности и призвана, образно говоря, научить «читать» во всей противоречивости книгу жизни, раскрывая перед человеком окружающую действительность как совокупность реальных условий, которые, с одной стороны, заставляют с собой считаться, с другой – являются основой для выдвижения продуктивных – и при этом *достижимых* – целей. Эта диалектическая неразрывность единства тотальной жесткости социального бытия и наличествующих потенциальных объективно предоставляемых человеку возможностей его исторически продуктивного развития не только призвана определять содержательную направленность философского образования, но и стать критерияльной основой его формирующей эффективности.

Поэтому, как это ни прискорбно, мы не можем не осознавать, что многие принятые решения, поступки и действия, приводящие к самым негативным последствиям, совершаются людьми, которые на экзаменах проявляли свои знания по учебному предмету – философия. Они знают, что такое диалектика и ее законы, знают, если и не все, то очень многое о роли личности в истории, и какой эта роль бывает, не могут не знать, какая ответственность лежит на человеке, принимающем решения, и какое множество факторов необходимо для этого учитывать. Они, наконец, не могут не знать о существовании зако-

нов не только природы и социума, и не только формальной, но и диалектической логики, нарушение законов которой изначально становится одной из основных причин не только недопустимо низкой эффективности любого замысла, но и его практической реализации. И, конечно, даже трудно предположить, что им не довелось слышать и о губительности бросания из одной крайности в другую, и о необходимости непрерывного соотношения цели и избираемых путей ее достижения, и что за абстрактностью философских категорий – не только великая мудрость и не имеющий себе равных интеллект, но и великое мужество, и личностное бесстрашие людей, несмотря ни на что, вплоть до угроз своей жизни, видящих в познании законов свой личный долг перед человечеством. А из перечисленной совокупности суждений, как представляется, вытекает трудно опровергаемый вывод о наличии *разрыва* между обретаемыми в процессе изучения философии знаниями и реальными действиями и принимаемыми человеком решениями. Без его преодоления столь же трудно рассчитывать на эффективное использование формирующих возможностей именно философского знания как фундаментального и столь исторически необходимого фактора системного преодоления метаморфизма в науке. Этот выходящий за пределы учебного академизма вывод отражает во всей своей социальной значимости историческую роль науки в решении проблемы безопасности и той роли, которую призвана играть именно философия в формировании совершающей самостоятельные поступки и принимающей решения конкурентоспособной личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гляциологический** словарь // под ред. В. М. Котлякова. – Л. : Гидрометеониздат, 1984. – 527 с.
2. **Советский** энциклопедический словарь – М. : Советская Энциклопедия, 1990. – 1632 с.
3. **Толковый** словарь современного русского языка. – М. : Эксмо, 2008. – 944 с.
4. **Большая** универсальная энциклопедия. – М. : АСТ Астрель, 2009. – 1280 с.
5. **Немов Р. С.** Психологический словарь. – М. : Владос, 2007. – 560 с.

Принята редакцией: 17.12.2013